

БОРОДИНСКОЕ СРАЖЕНИЕ КАК «НРАВСТВЕННАЯ ПОБЕДА» РУССКОЙ АРМИИ

Представление о том, что в Бородинском сражении русская армия одержала нравственную победу над армией Наполеона, можно считать фактом общественного сознания русского народа, в разной степени признанным большинством российских историков. Между тем, содержание этого понятия, правомерность его противопоставления победе «военной», обоснованность его использования в оценке итогов Бородинского сражения не являлись предметом изучения. Задача автора — в самом общем виде определить содержание понятия «нравственная победа» и показать, в какой степени это содержание раскрыто в исторической литературе. При этом в рамках доклада мы ограничимся лишь постановкой вопроса.

«Нравственность — понятие, являющееся синонимом морали»ⁱ, включает в себя «нормы, принципы, правила поведения людей, а также само человеческое поведение (мотивы поступков, результаты деятельности), чувства, суждения, в которых выражается нормативная регуляция отношений людей друг с другом и с общественным целым (коллективом, классом, народом, обществом)»ⁱⁱ. В марксистско-ленинской этике подчеркивается, что «не существует внеклассовой надисторической морали, якобы навязанной обществу богом или свойственной человеку от природы, как утверждают идеалисты... В период зарождения капитализма буржуазная мораль была более прогрессивной, чем федеральная»ⁱⁱⁱ.

Такого рода определения нравственности делали бессмысленной и невозможной постановку вопроса о нравственной победе в контексте реальной истории.

Обратимся к тому понятию о нравственности, которое бытовало в XIX в. «Нравственность — общее выражение свойств человека, постоянных стремлений его воли, свойство целого народа. Христианская вера заключает в себе правила самой высокой нравственности. Нравственность нашей веры выше нравственности гражданской: первая требует только строгого исполнения законов, вторая же ставит судьей совесть и Бога... Нравственный — противоположный телесному, плотскому.... Относящийся к одной половине духовного бытия, но составляющий общее с ним духовное начало: к умственному относится истина и ложь, к нравственному — добро и зло»^{iv}.

Данное определение может быть взято за основу для изучения поставленного нами вопроса в различных аспектах.

Общим местом стало противопоставление нравственной победы победе материальной. Это идет от Л.Н. Толстого: «Не та победа, которая определяется подхваченными кусками материи на палках, называемых знаменами, и тем пространством, на котором стояли и стоят войска, а победа нравственная...»^v. В речи священника Н.И. Писарева в Казанской Духовной академии (1912 г.) «констатируется не физическая, а моральная победа наших предков над неприятелем»^{vi}. По мнению Н.А. Троицкого, «нравственная победа русских войск под Бородином столь велика, что не нуждается в искусственном подтягивании до уровня победы материальной, которая и после. Бородина оставалась делом будущего, теперь уже — недалекого»^{vii}.

В чем же состояла эта нравственная победа? Слова Л.Н. Толстого о победе, «которая убеждает противника в нравственном превосходстве своего врага и своем бессилии», ответа не содержат. Н.П. Михневич, Е.В. Тарле, П.А. Жилин, Н.А.

Троицкий единственным признаком нравственной победы считают сохранение или утрату уверенности армии в своих силах, признание или нет себя побежденными. После Бородинского сражения «русские, только что доказавшие свою способность успешно противостоять врагу, еще сильнее уверовали в окончательную победу над ним, а французы, потрясенные тем, что их расчет завершить войну победоносным генеральным сражением не удался, начали терять уверенность и в конечной победе»^{viii}. Столь узкое понимание нравственной победы не выходит за пределы характеристики психологического состояния войск, что отнюдь не равнозначно нравственности. Но даже и такого рода выводы требуют доказательств, которые практически отсутствуют у всех перечисленных авторов за исключением «традиционной» ссылки на слова Наполеона: «Французы показали себя достойными одержать победу, а русские заслужили право быть непобедимыми».

Понятие «нравственная победа» может сохранить право на существование в изучении истории Отечественной войны 1812 г. лишь при условии наполнения его конкретным содержанием и соответствующей аргументацией. В первую очередь это касается сопоставления системы нравственных ценностей воюющих сторон.

Материал для возможной дискуссии по данному вопросу содержится в «Рассуждении о нравственных причинах невероятных успехов наших в войне 1812—1813 годов» митрополита Филарета (Дроздова). Автор «Рассуждения...», написанного в 1814 г., справедливо указывает, что Наполеон Бонапарт «не провидел того, что кроме физических и политических, государства одушевляются и действуют высшими нравственными силами, что насилие возбуждает против себя те самые силы, которые ему покоряются... Высокоумный повелитель надменного мнимой образованностью народа не знал... простого языка нравственности»^{ix}. Митрополит Филарет называет конкретные «простые, но чистые и твердые правила нравственности, переданные от предков,... которые русский народ не столько умеет изъяснить, сколько чувствовать, уважать, исполнять», подчеркивая, что «россияне следовали им даже тогда, когда могли бы сохранить жизнь их нарушением»^x.

Победить страх смерти в столь кровопролитном сражении, как Бородинское, означало одержать личную нравственную победу для каждого его участника. Постоянные передвижения войск, дезорганизация отдельных подразделений и частей давали массу возможностей уклониться от выполнения воинского долга, не страшась возможного наказания. Очевидно, что небывалая, жертвенная самоотверженность, проявленная в Бородинском сражении русской армией «от солдата до генерала», стала проявлением общей, единой в своей основе системы нравственных ценностей.

В чем заключалась эта нравственная основа — тема требующая изучения. Однако, само признание ее существования несовместимо с утверждением Н. А. Троицкого, что «в этой национальной, освободительной, справедливой войне «верхи» и «низы» России защищали от общего врага не одно и то же отечество: дворяне боролись за отечество самодержавно-крепостническое, за свои богатства и привилегии, за монопольное право на эксплуатацию собственного народа, за сохранение в стране феодального режима; народ — за отечество, свободное от самодержавно-крепостнического гнета, т. е. не только за национальное, но и за социальное освобождение, против феодализма»^{xi}.

В отличие от психологического состояния, нравственность проявляется в устойчивых параметрах поведения. Ее изменение под воздействием внешних событий происходит не мгновенно. Таким образом, нравственная победа (или поражение) в Бородинском сражении может быть выявлена путем сопоставления

состояния обеих армий не только непосредственно до и после битвы, но и позднее, включая пребывание французов в Москве, а русских войск в Тарутино.

Н.П. Михневич и другие дореволюционные историки называли Бородинское сражение очистительной жертвой за оставление Москвы. Насколько понятен ныне смысл этого выражения? Очевидно лишь, что оно указывает на нравственное значение не только итогов, но и самого сражения.

Военный историк генерал-лейтенант Б.М. Колюбакин, ставя Бородино в один ряд с Куликовым полем и Полтавой, писал в 1912 г.: «В сознании солдатской массы, в чутком народном сознании до нашего времени, в литературе и поэзии, по непостижимой логике, Бородино оставило впечатление победы»^{xii}. Вряд ли это можно приписать успехам пропаганды и считать только «впечатлением». Одна из причин непостижимости этой логики в том, что историки до сих пор не подвергали употребляемое ими понятие «нравственная победа» критическому анализу.

Примечания

ⁱ Словарь по этике. М., 1983. С. 224.

ⁱⁱ Краткий словарь по философии. М., 1982. С. 191.

ⁱⁱⁱ Там же, С. 192-193.

^{iv} Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1989. Т. 2. С.558.

^v Толстой Л.Н. Война и мир. М., 1960. Т. 3. С. 282.

^{vi} Писарев Н.Н. Русский народ и правительство в борьбе с Францией за национальную независимость... Речь, произнесенная в торжественном собрании Казанской Духовной Академии 11 октября 1912 г. Казань. 1912. С. 26.

^{vii} Троицкий Н.А. 1812. Великий год России. М., 1988. С. 178.

^{viii} Там же, С. 182.

^{ix} Журнал Московская Патриархия. 1992. №9, С. 48.

^x Там же, С. 50.

^{xi} Троицкий Н.А. Ук. соч. С. 33.

^{xii} Колюбакин Б.М. День Бородина, //Русское слово, 1912. №197.